

ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Прошло пять лет после гастролей в Свердловске областного музыкально-драматического театра. За это время он изменился, стал театром оперетты, пополнил труппу, балет, расширил репертуар. Понятен интерес зрителей к театру в его новом качестве.

Основу гастрольного репертуара составляют произведения советских авторов, спектакли о современности. Среди них знакомые свердловчанам оперетты и новые для нас, такие, как «Четверо с улицы Жанны», «Верка... надежда, любовь» и «Поручик Лавровский». Есть в афише и мюзикл Ф. Лоу «Моя прекрасная леди» и классические оперетты И. Кальмана и И. Штрауса. Думается, что в критическом обзоре полезнее сосредоточить внимание на советских спектаклях, ибо именно в них наиболее отчетливо проявилось то новое, перспективное, что привлекает внимание сегодня. В то же время здесь есть повод и для разговора о художественных просчетах, уступках далеко не лучшим традициям.

Новое, положительное сказалось прежде всего в определенном повышении художественной культуры театра (сразу оговорюсь — по сравнению с прошлыми гастролями). Видно стремление режиссуры к жизненной правде, созданию достоверных реалистических характеров, психологическому оправданию сценических ситуаций и действий героев.

Эти качества проявились, например, в спектакле «Четверо с улицы Жанны», которым театр открыл гастроль. В этой далеко не совершенной по драматургии оперетте О. Сандлера режиссер К. Васильев стремился подчеркнуть и зримо выделить героическую линию. Для этого он ввел в спектакль интермедии, в которых звучат документы, стихи и песни Отечественной войны, появилась в спектакле и выразительная хореографическая сцена «Не покоримся!». В «Перехватчиках» В. Баснера, поставленных тем же режиссером, ощутило стремление по-своему прочесть произведение, акцентировать внимание на образах летчиков, мотивировать сюжетные повороты. Этому служит и своеобразный пролог, действие которого происходит в 1942 году на ленинградской «дороге жизни».

Приятное впечатление оставил «Поцелуй Чаниты» (режиссер А. Закс), прозвучавший очень современно, порадовавший хорошей простотой, сценическим тактом. И хотя не все удалось в изображении главных героев — студентов, быть может, не столь впечатляюще, как хотелось бы, решена ведущая тема оперетты, но все же в спектакле были внутренняя правда, оптимизм, и, конечно, темпераментная, мелодичная музыка Ю. Милотина, бережно донесенная до зрителей. Неожиданно привлек симпатии скромный, без хора и балета, спектакль «Верка... надежда, любовь» (музыка М. Михайлова, М. Лившица, Г. Портнова), отличающийся в постановке Р. Розенберга трогательной чистотой, теплотой рассказа о людях и даже, если хотите, проблемностью. В нем были раздумья о романтике подлинной и мнимой, об ответственности человека и его долге жить для добрых дел, о подлинной сложности людских отношений и тенденциях некоторых «жить проще, не усложнять»... И в актерской игре здесь проявились вдумчивость, какая-то раскованность, естественность. Поэтому на сцене были интересные герои — студенты Арам, Платон и Валерьян, эти благородные «мушкетеры», «рыцари добра», любопытный, динамичный Игорь, мудрые старики Лунс и Майра. Мне кажется, что в стиле

этого спектакля заложено то хорошее, что актеры могут и должны сохранить, развивать. «Верка... надежда, любовь» и другие оперетты, о которых шла речь, в той или иной мере — спектакли своего жанра, живые, веселые, с лирикой и смехом. Подчас казалось, что положительные тенденции уже прочно утвердились, победили в театре. Однако процесс этот еще не завершен, не все обстоит гладко. Рецидивы прошлого еще ощутимы.

В чем же проявились они сейчас? В том, прежде всего, что интересным и оправданным поиском глубины как раз и недостает... глубины. В «Перехватчиках» есть экранные проекции, требовательно обращенный в зал взгляд героини с экрана, напряженно звучащий отсчет секунд перед взлетом, предваряющий действие, есть вначале застывший в красном свете хор — своеобразная заявка на спектакль-концерт. Но, сделав все это, режиссер не добился успеха в главном — создании впечатляющих, рельефных образов, которые несут главную мысль пьесы. Безлик, легковесен, не содержателен Ким Лисовой у А. Кравчука, лишена обаяния и силы Катя — Г. Привальцева, а в Вике — А. Зибольд недостает трепетной свежести юности, открытости таланта. Есть теплота в Клавье — Г. Рословой, но напрасно режиссер и актриса стараются ее как-то «демократизировать», подчеркнуть ее «кондовость» со всеми этими «скинструировать», «Жибрит Бардо» и тому подобными словечками. Душевный и умный по песне чукча Татай далеко не таков у М. Мосина, говорящего не то с «чукотским», не то с одесским акцентом. Да и что это за обращение с ним Сергея, изрекающего остроты типа: «Татай, мотай!»...

Парадоксально — постановщики, стремясь как будто бы выделить основное в спектакле, теряют эту ведущую мысль, уходят в сторону от темы произведения, темы взаимной выручки, мужества, готовности прийти на помощь человеку. Все слабости пьесы особенно очевидны в этой постановке. А важное, наиболее удавшееся авторам, подчас пропадает за наслоениями. К чему, например, было создавать сцену, когда спящую за ширмой тетю Клавю Сергей и Татай принимают за Катю, хватают ее, целуют, а она во всю мочь кричит: «Групповое насилие!» Зачем этот откровенный фарс?

Мы уже говорили о стремлении театра подчеркнуть героическую линию в спектакле «Четверо с улицы Жанны». Но тут же, не устояв перед соблазном, заключенным в пьесе Г. Плоткина, кстати, по сюжетным ходам и принципу создания образов, повторяющей «На рассвете», театр увлеченно передает всю одесскую и благодатную экзотику. Тут и мадам Скумбрия и мадам Чирус — честные «советские спекулянтки», как они себя гордо именуют. Тут и ресторан Лещенко, пришедший на смену «Веселой канарейке», где разлагалась вся «контра» в оперетте «На рассвете». Там была Вера Холодная, здесь жуличный и томный певец Инсаров-Дальский, с чувством преподнесенный букет из бурного фокстрота, цыганской пляски и непременно «гвоздя программы» — романа «Очи черные», исполняемого на бис. И в этом вихре страстей — еще и убийство предателя в отдельном кабинете. Мелодрама правит бал...

Здесь речь идет уже об отсутствии взыскательности, о живучести безвкусицы. Своеобразным средоточием, символом этого явилась правда, единожды показанная «Голландочка». В ее бодром прологе нам были предложены «условия игры», сказано, что и оперетта может, смеясь, поучать. И апрямь, то, что творилось на сцене, было весьма поучительным... Так и казалось, что сама «Голландочка», конфузливо прикрыв нарумяненное личико узорным фарфучком, явно стесняется, чувствуя, что не место ей

среди ребят с улицы Жанны, друзей Чаниты и смелых перехватчиков.

Невольно возникало сравнение с «Веркой», ибо в «Голландочке» тоже есть паруса, море, принц мечты и высокие слова о романтике. Но как все это здесь фальшиво — и аляповатое море, никуда не зовущее, и инфантильный герой, и балет с этими «манящими» тенями одалисок за тюлевой рамочкой. Иначе, как с иронией, этот спектакль воспринимать невозможно. Мы понимаем известную сложность условий работы театра, но нельзя идти на уступки, нельзя снижать художественные критерии.

В театре есть интересные, способные актеры, на которых может опираться режиссура. Жаль только, что не всех новых молодых удалось нам увидеть, ибо на гастролях как-то был сужен круг исполнителей. Обратил на себя внимание Ю. Молодов — артист разноплановый, пластичный, наделенный сценическим обаянием. В его студенте Араме были теплота и человечность, в Андрее с улицы Жанны проявился дар перевоплощения, неожиданным оказался Кавалькадос из «Чаниты», совсем не похожий на традиционного сыщика, изображаемого возрастными комиками. За эти годы заметно выросла ведущая актриса театра А. Зибольд, уверенно сыгравшая Верку, Элизу Дулитл, Чаниту. Она хорошо владеет вокалом, изящна, динамична, хочется только пожелать ей активнее искать индивидуальное в каждой роли. Есть внутренний напор, горячность у Ф. Калашникова, он интересно сыграл Игоря из спектакля «Верка... надежда, любовь». Запомнилась О. Александрова, в этом же спектакле создавшая несколько штрихами своеобразный характер Гали, особенно удачно ее Магнолия в «Перехватчиках». В хорошей манере, содержательно, тактично рисует своих героев А. Гаврилов — Вундервауд в «Чаните» и старого Лунса, отца Верки. Остры по рисунку персонажи А. Марасанова, особенно его бригадир-спекулянт.

Оркестр театра возглавляет опытный дирижер А. Шавердов, хотелось бы только, чтобы скромный по составу и звучанию ансамбль еще более вырос. Отрядные перемены произошли в балете (балетмейстер А. Хорст), в большинстве спектаклей не видно прежнего тяготения к традиционной эстрадности, но безупречного вкуса экзотике, теперь балет связан с действием, танцы современные, сюжетны, подчас оригинальны. Среди солистов балета выделяются В. Бош, А. Рудина, В. Цыбина, Л. Валив.

Думается, что областной театр оперетты сейчас имеет данные для того, чтобы работать плодотворно, обрести свое самобытное творческое лицо. Лучшее в показанных спектаклях убеждает в этом. Нужно только еще более чутко ощущать требования времени, возросшую зрительскую культуру, нужно, подобно героям своего спектакля, смело идти на перехват — на перехват шаблону, безвкусице, поднимаемая в искусстве все выше и выше.

Б. КОГАН.

Уральский рабочий
Свердловск

29 ИЮНЬ 1964